

Глава 8. Ночной дозор. Часть III

В зыбком мареве между рассветом и сумерками показалась процессия, медленно движущаяся со стороны лагеря.

Путь им прокладывали несколько солдат Цинь, в центре которых, точно луна в окружении звезд, вышагивала фигура в пурпурном. Этот человек был невысок ростом, но поджар и строен. Лицо скрывала широкополая бамбуковая шляпа, с которой спадала густая вуаль из белого шелка. Пурпурное одеяние плотно облегалo тело, а грудь, поясница, шея и запястья были защищены изящными серебряными пластинами. В этом наряде, подчеркивающем каждый изгиб, трудно было окончательно признать мужчину или женщину.

Путник шел быстро, равнодушно минуя группы пленных, и не замедлял шаг, пока не оказался перед теми, кто занимался чисткой утвари.

В тот самый миг солнце окончательно скрылось за горизонтом, и на мир рухнула тьма. Лишь на серебряном поясе незнакомца блеснул едва уловимый, холодный отсвет.

Вспыхнули факелы. Огонь в руках солдат сначала заплясал на ветру, а затем выровнялся, превратившись в ровные оранжевые пятна. Лица циньцев оставались бесстрастными, словно высеченными из камня. Фигура в пурпурном подняла бледную, изящную руку и коснулась края шляпы. Белая вуаль закачалась, и Чэнь Гэ почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, изучающий пленных сквозь тонкую сетку ткани.

Пленников заставили построиться в ряд. Сотня изнуренных людей, волоча ноги от усталости, медленно выравнивала строй. На этот раз солдаты не пустили в ход плети. «Они явно недолголюбивают этого пришельца, но вынуждены подчиняться, — подумал Чэнь Гэ. — Значит, наши с Ли Хуном догадки верны: именно этот человек управляет золотыми гусями».

Подумав об этом, Чэнь Гэ украдкой покосился на стоявшего рядом Ли Хуна. Тот, к его удивлению, смотрел на него в упор. Он невольно вздрогнул и качнул головой — с его вьющихся черных волос посыпалась густая серая пыль.

Чэнь Гэ и Ли Хун: «...»

Незнакомец в пурпурном неспешно пошел вдоль строя. За ним тянулся странный, душный шлейф — густой и приторный аромат, напоминающий о буйном весеннем цветении.

Теперь Чэнь Гэ разглядел детали: узкие обшлага рукавов были расшиты серебряными птицами, а то, что он принял за доспехи, оказалось изысканными украшениями, изображающими зверей и пернатых.

Чжао Ци колотила крупная дрожь. Несмотря на то что Чэнь Гэ взял на себя его работу,

мальчик, избитый и не евший весь день, был на грани обморока. Чэнь Гэ незаметно сжал его ладонь, пытаясь передать хоть каплю уверенности.

Запах цветов становился невыносимым. Пленники замерли в тягостном ожидании, и лишь Чэнь Гэ решился поднять глаза. Незнакомец выглядел безупречно чистым и опрятным — ни малейшего намека на гниль, трупный яд или вирус.

Внезапно раздался женский голос — тонкий, пронзительный и полный невыразимой скорби. Она запела:

— Млечный Путь пронзает полог небес, тени всего сущего — точно трава под ветром. Падающая звезда рассекает долгую ночь, стрекот насекомых подобен грому и ливню...

Она шла вперед, едва слышно вторя собственному мотиву:

— Грешник вкушает плоды благодатной земли под сенью небес. Невинный же — изгнан и бродит на самом краю мироздания...

Мелодия была божественна, точно сама природа соткала эти звуки. Чэнь Гэ на мгновение представил ее на сцене: в лучах призрачно-синих прожекторов, под падающим дождем из лебяжьих перьев... Но смысл слов заставил его содрогнуться. Глухая тоска в песне сменилась ледяным, едва сдерживаемым гневом.

Пурпурная женщина резко замерла прямо перед Чэнь Гэ.

— Ты... убил моего гуся! — выплюнула она с яростью.

Сердце Чэнь Гэ пропустило удар. Как она узнала?! Он вскинул голову и сквозь дымку вуали увидел не лицо, а золотистый блеск холодной бронзовой маски. От неожиданности он отпрянул.

Женщина молниеносно вскинула руку.

Чэнь Гэ приготовился к удару, но она схватила не его, а Чжао Ци. Бедного мальчика швырнули на землю, точно тряпичную куклу. Ребенок забился в конвульсиях, изо рта хлынула кровь, зрачки сузились до точек, и он затих, не подавая признаков жизни.

— Чжао Ци! — вскрикнул Чэнь Гэ и бросился к нему.

В следующее мгновение мальчик вскочил. Из его горла вырвался звук, который Чэнь Гэ знал слишком хорошо — нечеловеческий хрип, утробный и булькающий, будто забитый сгустками черной крови.

Чэнь Гэ рухнул на колени, слезы брызнули из глаз. В голове вспыхивали кровавые образы: нужно найти источник вируса, во что бы то ни стало уничтожить эту заразу!

Пурпурная женщина прижала пальцы к губам под маской и издала резкий, оглушительный свист.

Десятки золотых гусей, таившихся в тенях, разом взмыли в небо. Свет факелов заиграл на их крыльях — в ночном воздухе точно расцвел огненный цветок.

Сейчас они выглядели как обычные птицы, и никто бы не заподозрил, что половина их плоти подвластна тлену, а сами они — разносчики страшной чумы.

Острые, как бритвы, перья полоснули Чэнь Гэ по локтю. Кровь брызнула на камни, сливаясь с лужей под Чжао Ци. Пока Чэнь Гэ пытался закрыться руками от безумной стаи, золотые птицы за несколько секунд обглодали ребенка. Не осталось даже костей.

Жуткий птичий крик разорвал тишину. Пленники, охваченные ужасом, бросились врассыпную, забыв об охране и летящих со сторожевых вышек стрелах.

— Всем стоять! Успокойтесь! — отчаянно кричал Чэнь Гэ в толпу.

Но его голос утонул в криках агонии. Разъяренные гуси набрасывались на бегущих, заживо вырывая куски плоти. Чэнь Гэ, не обращая внимания на собственные раны, прижал Ли Хуна к земле, закрывая его своим телом.

И тут он заметил нечто странное. Золотые гуси в своем безумии атаковали всех подряд, но его самого они только клевали, не пытаясь терзать. Даже ядовитые насекомые, осыпавшиеся с их перьев, обползали его стороной. Он ошеломленно смотрел на этот рукотворный ад, и слезы жгли глаза.

Обжигающая кровь и слезы Чэнь Гэ стекали по лицу Ли Хуна, попадая ему в глаза. Никогда еще чувство собственного бессилия не заполняло сердца этих двоих так полно.

Той ночью выжили лишь немногим больше десяти человек. Солдаты Цинь вытащили их из месива плоти и крови, швырнули в сточные канавы с горячей водой, чтобы смыть грязь, а затем растолкали по другим палаткам.

Еще несколько тяжелораненых не выдержали жара и испустили дух прямо в воде.

Крики и запах бойни всколыхнули весь карьер. Начались волнения, но стоило часовым на башнях выпустить несколько стрел, пронзающих сердца зачинщиков, как над миром снова воцарилась мертвая тишина.

Гнев в груди Чэнь Гэ полыхнул, точно лесной пожар. Медлить было нельзя. Он решил пробраться в Северо-западный главный лагерь и убить Пурпурную женщину.

Глубокой ночью природа оставалась безучастной к трагедии. Ветер выл в ущельях, пробирая до костей, а небо оставалось бездонным и тихим.

Чэнь Гэ, Ли Хун и Янь Чуань скользнули в тень, направляясь к вражескому стану.

В голове Чэнь Гэ набатом гремели слова той песни: «Грешник вкушает плоды благодатной земли... Невинный же — изгнан и бродит на самом краю...» Почему мир полон этой вечной грызни, крови и огня? Почему люди, рожденные для жизни, обречены на такие муки?

— Стоять! — Янь Чуань резко осадил товарищей.

До лагеря оставалось совсем немного.

— Вы что, ослепли от ярости? — прошипел Янь Чуань. — Там охрана на каждом шагу, как вы собрались войти?

— Я должен убить её, — голос Чэнь Гэ вибрировал от напряжения. — Пора действовать.

— Больше нельзя ждать, — отрезал Ли Хун. — Кончим с этим сегодня.

Янь Чуань схватился за голову:

— О боги, Ли Хун! Мы не перебьем их всех втроем, не делайте глупостей!

Ли Хун проигнорировал его и посмотрел на Чэнь Гэ:

— Отдать твою жизнь, чтобы спасти мир — пойдешь на это?

Чэнь Гэ криво усмехнулся:

— Пойду.

— Безумцы! — взмолился Янь Чуань.

— Вон та башня пуста, — указал Ли Хун. — В лагере сейчас лишь горстка солдат, это наш шанс.

— Мы с Ли Хуном войдем, — распорядился Чэнь Гэ. — Ты отвлечешь их. Я найду эту женщину и прикончу любым способом. Со мной и так уже всё ясно... а ты береги себя.

Он повернулся к Янь Чуаню:

— Брат Чуань, помнишь, я говорил про жемчужное ожерелье? За эти дни ты проделал самую тяжелую работу — нанизал жемчужины на нить. Сегодняшнее дело — это узел, который свяжет всё воедино.

Чэнь Гэ затянул ремни на сапогах и перевязал обшлага рукавов.

— Жди здесь. Как только поймешь, что у нас получилось, возвращайся и поднимай людей на бунт. Я верю, ты справишься.

— А если она там не одна?! — Янь Чуань метался, точно загнанный зверь. — Подумайте хорошенько! Там могут быть сотни, тысячи воинов!

— Таких иноземцев много не бывает! — отрезал Ли Хун.

Спор грозил затянуться, но тут тяжелые ворота из цельных стволов желтого дуба с грохотом распахнулись. Даже издали эта преграда казалась незыблемой крепостью.

Из ворот стройными рядами начали выходить пленники. Чэнь Гэ затаил дыхание. Даже с расстояния в несколько ли он видел всё отчетливо: движения людей были пугающе синхронными и механическими. Словно марионетки в руках кукловода — ни одна технология его времени не позволила бы добиться такого совершенства.

Солдаты Цинь держались в стороне. За фалангой пленных следовали трое в пурпурных одеждах и бронзовых масках. Они шли, сцепив руки на запястьях, и негромко пели древний, леденящий душу гимн.

В небе кружили звездные облака, а во тьме внизу разлилось призрачное синее сияние.

Это была армия мертвецов. В лунном свете вспыхнули тысячи пустых, фосфоресцирующих синим глаз.

Один из пурпурных свистнул, и сотни золотых гусей взмыли в воздух, оглашая округу истошным клекотом. Золотые перья сыпались вниз, точно драгоценная пыль. Это зрелище было неопишимо прекрасным и столь же чудовищным.

Песнь смолкла. Жрецы зашептали заклятия, их мышцы напряглись, а вены на руках вздулись, будто от невыносимой боли. И армия оживших трупов пришла в движение. Мертвецы вскинули

копья и слаженно, точно один человек, ринулись в атаку. Пусть их движения были чуть замедленными, но строй оставался безупречным.

Они не знали смерти, не чувствовали боли, не требовали еды. В эпоху холодного оружия такая армия была воплощением самого страшного кошмара.

— Чего застыл? Бежим! — первым очнулся Ли Хун.

Реальность, от которой волосы вставали дыбом, обрушилась на него, точно ледяная вода, хотя он еще даже не представлял всей полноты ужаса, который несут эти создания.

Задыхаясь, троица бросилась прочь, к своему укрытию в скалах.

Но не успели они перевести дух, как над лагерем защелкали плети. Не дожидаясь рассвета, солдаты Цинь начали сгонять людей на работу, опасаясь ночных побегов.

Чэнь Гэ и Ли Хун поспешили вернуться в свою палатку.

<http://bllate.org/book/17509/1653772>